

Годы студенчества.

(1870 — 1874).

(Окончаніе) ¹⁾.

Г Л А В А VI.

Наше начальство: ректоръ, инспекторъ и его помощники.

Не богата была впечатлѣніями студенческая жизнь въ нашей „деревенской“ академіи, и не много было у насъ средствъ, „чтобы“, какъ писалъ мой петроградскій другъ, „сколько нибудь оразнообразить и подцвѣтить скучную жизнь“. „А все виновато начальство“, прибавлялъ онъ при этомъ; но изъ моихъ товарищей по московской академіи, я увѣренъ, никто этого не скажетъ. Наше начальство не только не тѣснило насъ и не давило какими-либо чрезмѣрными требованіями суровой дисциплины; но, напротивъ, съ отеческою снисходительностію относясь къ нашимъ легкимъ проступкамъ, само принимало по возможности всѣ доступныя мѣры къ тому, чтобы оразнообразить и подцвѣтить нашу скучную жизнь. Не начальство-ли соорудило для насъ кегельбанъ? Не оно-ли позаботилось объ устройствѣ и постоянной поддержкѣ катка для нашихъ конькобѣжцевъ? Не при его-ли сочувствіи и поддержкѣ мы приобрѣли рояль? Не оно-ли безъ малѣйшихъ затрудненій и съ полною охотой отпускало студентовъ и на посадскіе балы, и въ Москву для посѣщенія театровъ и выхлопатывало намъ бесплатные билеты для входа на московскую выставку? Къ нашему великому счастью, во главѣ этого начальства стоялъ при насъ незаб-

¹⁾ См. Бог. Вѣст., Мартъ—Апрѣль. 1916 г.

венный Александръ Васильевичъ. Чудный образъ этого рѣдкаго человѣка такъ много разъ былъ предметомъ благоговѣйныхъ, признательныхъ и восторженныхъ изображеній, что я не думаю давать здѣсь вновь его полную характеристику. Ограничусь лишь повтореніемъ того, что было уже сказано мною пятнадцать лѣтъ тому назадъ. „Еще въ 1854 г. въ день св. Пасхи, Александръ Васильевичъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «ударъ колокола къ утрени на свѣтлый день засталъ меня на этихъ словахъ Евангелія Іоанна: «о семь разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою». Мнѣ показалось это знаменательно для меня, нужно мнѣ часто повторять эту заповѣдь о любви». Вся послѣдующая жизнь А. В—ча служила доказательствомъ того, что онъ не только не забылъ этой заповѣди, но какъ бы воплотилъ ее въ себѣ, такъ что широкая, истинно-христіанская любовь была господствующей характеристической чертой всей его нравственной личности. Больше чѣмъ кто-либо другой, это чувствовала та многочисленная семья юныхъ питомцевъ, во главѣ которой онъ былъ поставленъ. Его отношенія къ намъ — студентамъ имѣли совершенно своеобразный характеръ: высокопоставленный, властный и строгій начальникъ совсѣмъ стушевывался въ немъ за кроткимъ, горячо любящимъ отцомъ. Чрезвычайно рѣдко можно было видѣть его гнѣвнымъ и грознымъ: никакого страха мы никогда предъ нимъ не испытывали, не потому чтобы онъ, былъ слишкомъ слабъ и потворствовалъ нашимъ слабостямъ, а потому что «страха нѣсть въ любви, но совершенна любви нонѣ изгоняетъ страхъ». Его укоряющій взглядъ, его глубокій горестный вздохъ, одно слово его кроткаго назиданія дѣйствовали на насъ сильнѣе всякихъ грозныхъ выговоровъ. Мы хорошо знали, что каждый нашъ проступокъ глубоко огорчитъ его, а потому старались быть осторожнѣе не изъ страха гнѣва и наказанія, а только чтобы не разстроить и не огорчить А. В—ча и не заставить потомъ себя переживать тяжкія минуты стыда и раскаянія. И мы и наши ближайшіе начальники до такой степени благоговѣли предъ нравственною чистотою о. ректора, что прикасаться къ ней съ какими-либо низменными дрызгами обыденной дѣйствительности казалось какимъ-то святотатствомъ. Если обнаруживалось какое-либо печальное явленіе въ студенческой

жизни, прежде всего старались о томъ, чтобы о немъ, по крайней мѣрѣ во всей наготѣ его, не узналъ о. ректоръ. Никто не сомнѣвался нимало въ силѣ его всепрощающей любви, но всѣмъ было невыразимо больно причинять ему глубокое разстройство и огорченіе. Провиниться въ чемъ-либо и подвергнуться кроткому укору о. ректора было иногда для студента истинною пыткой, а поводы къ ней встрѣчались, конечно, не рѣдко“... „Однажды мы какимъ-то, должно быть выдающимся, проступкомъ сильно огорчили А. В—ча. Вечеромъ этого дня, часу въ десятомъ, въ нашихъ номерахъ разнесся слухъ, что къ намъ идетъ о. ректоръ. Мы тотчасъ-же догадались, что идетъ онъ со специальною цѣлью журить насъ за наши дѣянія. Вдругъ кому-то изъ насъ блеснула счастливая мысль, которая тотчасъ-же и приведена была въ исполненіе. Мы быстро собрались въ тотъ номеръ, гдѣ обыкновенно совершалась молитва и не смотря на то, что время назначенное для нея, еще не наступило, одинъ изъ насъ взялся за книгу и мѣрнымъ голосомъ, съ чувствомъ, началъ какъ-бы уже давно продолжающееся чтеніе. Едва мы успѣли устроиться, какъ дверь отворилась и вошелъ А. В—чь. Строгій взглядъ, насупившіяся брови ясно свидѣтельствовали о томъ, въ какомъ настроеніи и съ какою цѣлю пожаловалъ къ намъ о. ректоръ. Помолились мы на этотъ разъ такъ, какъ не часто приходится молиться, голосъ чтеца звучалъ съ особенною выразительностію, низкіе поклоны видѣлись въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ обыкновенное время, и съ замираніемъ сердца слѣдили мы за выраженіемъ лица дорогого о. ректора. Чѣмъ дальше продолжалась молитва, тѣмъ строгій взглядъ его становился все мягче и мягче, а когда прозвучали послѣднія слова заключительнаго пѣснопѣнія, свѣтлая, любящая улыбка уже сіяла на его кроткомъ лицѣ. Глубоко вздохнулъ онъ, глядя на насъ, и сказалъ: „Пришелъ было я съ вами браниться,—ну, да ужь Богъ простить!“ Затѣмъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты. И долго еще послѣ его ухода мы никакъ не могли опомниться подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвело на насъ это достопамятное посѣщеніе. И любили мы А. В—ча именно какъ отца. Въ наше время въ средѣ студентовъ не было ему и другого имени, какъ „папаша“. Никто изъ насъ не говорилъ: „пойду къ о. ректору“, или

„меня зоветъ ректоръ“, а непремѣнно: „пойду къ папашѣ“, или „меня зоветъ папаша“. И шелъ къ нему каждый изъ насъ со всѣми своими нуждами и горестями, какъ къ родному отцу. Постигало-ли студента какое-либо семейное горе, онъ шелъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ папашѣ. Понадобились-ли ему деньги, чтобы помочь ради какой-либо случайности своей бѣдной семьѣ, или просто чтобы поѣхать на праздникахъ на родину,—„Братства“ тогда не было, и онъ шелъ просить въ займы у того-же папаша. И встрѣчалъ онъ здѣсь всегда отеческій пріемъ. Отеческій, прежде всего, даже по самой внѣшней формѣ. Нерѣдко, бывало, выйдетъ къ нему папаша въ одномъ подрясникѣ, ласково возьметъ подъ руку, иной разъ обниметъ даже, и начнетъ тихонько прохаживаться по комнатамъ, выслушивая и спрашивая пришедшаго о его нуждахъ и горестяхъ. И утѣшалъ онъ горюющихъ, и щедрою рукою раздавалъ направо и калѣво свои деньги, такъ что, отдавая все другимъ, при всей своей личной умѣренности, не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ книгъ. Не только встрѣчалъ онъ всякую нужду съ готовностію помочь, но и самъ шелъ къ ней на встрѣчу, безъ всякаго вызова. Кто изъ питомцевъ А. В.—ча не помнитъ напр., съ какою вѣжною заботливостію относился онъ къ каждому заболѣвшему студенту, которому приходилось помѣститься въ больницѣ. Навѣстить академическую больницу папаша считалъ своимъ священнымъ долгомъ почти каждую недѣлю, а въ особенныхъ случаяхъ и гораздо чаще. Съ каждымъ больнымъ студентомъ онъ непремѣнно побесѣдуетъ, спроситъ его и о здоровьи, о дѣлахъ семейныхъ, о занятіяхъ; подкрѣпитъ и утѣшитъ своимъ любящимъ словомъ, а вернувшись къ себѣ, пришлетъ еще какой-нибудь гостинецъ, или книжку легкаго чтенія. Съ особенною вѣжностію относился онъ, конечно, къ лучшимъ студентамъ и главнымъ образомъ къ только-что поступившимъ и дальнимъ по происхожденію, всѣми силами стараясь вознаградить ихъ своею ласкою за непривычную и долгую разлуку съ семьей. Одинъ изъ первыхъ по успѣхамъ студентовъ, уроженецъ далекаго юга, только-что принятый въ академію, рассказывалъ мнѣ, что въ день его именинъ А. В.—чь неожиданно призвалъ его къ себѣ и вмѣстѣ съ ласковой бесѣдой предложилъ ему персикъ и еще какой-то десертъ, чтобы по возможности утѣ-

шить именинника, оторваннаго отъ далекой родины. Можно себя представить, какое неизгладимое впечатлѣніе должна была оставить эта отеческая ласка всѣми глубокоуважаемаго начальника въ сердцѣ юноши, не ожидавшаго, конечно, ничего подобнаго. А такія проявленія любви и ласки каждый изъ насъ видѣлъ со стороны нашего общаго дорогаго папаши почти на каждомъ шагу. Вотъ почему въ сердцахъ своихъ питомцевъ этотъ незабвенный папаша Александръ Васильевичъ оставилъ такой глубокой слѣдъ, который можетъ изгладиться только съ самой жизнію. Вотъ почему его имя всегда было для насъ и останется святыней¹⁾.

Достойнымъ сотрудникомъ и помощникомъ Александра Васильевича былъ нашъ инспекторъ, профессоръ Сергій Константиновичъ Смирновъ. Важный и величественный по внѣшней осанкѣ и наружности, прозванный студентами Зевсомъ, онъ могъ производить впечатлѣніе начальника строгаго и недоступнаго, но въ сущности былъ человѣкомъ добраго сердца и живого, веселаго нрава, который часто невольно прорывался у него неожиданной острою даже и при дѣловомъ разговорѣ со студентомъ. Инспекторскій надзоръ за нами былъ организованъ при немъ, повидимому, съ большимъ искусствомъ. Мы вполне были увѣрены въ томъ, что всѣ наши, болѣе или менѣе выдающіяся, дѣянія извѣстны Сергѣю Константиновичу въ достаточно отчетливомъ видѣ, и такая увѣренность не разъ подтверждалась краснорѣчивыми примѣрами. Бывали, напр., случаи, когда студентъ попадался въ какомъ-либо проступкѣ и инспекторъ призывалъ его для надлежащаго вразумленія. При этомъ вразумленіи С. К.—чѣ обыкновенно припоминалъ провинившемуся и нѣсколько его прежнихъ дѣяній, давно минувшихъ, относительно которыхъ студентъ имѣлъ, повидимому, полное основаніе думать, что они прошли благополучно, не будучи замѣченными начальствомъ. Оказывалось, такимъ образомъ, что инспектору извѣстно очень многое, но свои свѣдѣнія онъ до времени хранить въ секретѣ и пользуется ими лишь тогда, когда представляется къ тому потребный случай. При такихъ условіяхъ мы своего Зевса, конечно, нѣсколько по-

¹⁾ См. упоминаемую выше статью мою „Изъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ“.

баивались, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда относились къ нему съ уваженіемъ и искреннимъ расположеніемъ. Главною причиною такого расположенія была наша общая вѣра въ то, что С. К.—чѣ желаетъ намъ только добра, что никакой злобы, никакихъ козней или стремленій непремѣнно изловить и покарать насъ, у него нѣтъ и быть не можетъ. Внимательно за нами наблюдая, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ относился къ намъ съ довѣріемъ и предоставлялъ широкую свободу, полагаясь на наше собственное благоразуміе и допуская свое вмѣшательство лишь тогда, когда это представлялось ему необходимымъ для нашей же пользы. На мелкіе проступки наши онъ смотрѣлъ снисходительно: но требовалъ только, чтобы мы отнюдь не переходили тѣхъ границъ, когда юношескія шалости получаютъ уже характеръ недопустимыхъ безобразій и скандала. Отсюда въ нашей погонѣ за развлеченіями напр., оставалось безнаказаннымъ много такого, что при другой инспекціи вѣроятно вызвало-бы суровую кару. Когда напр., послѣ неожиданнаго для насъ самихъ путешествія въ Александровъ и Махру, мы возвратились въ академію лишь на третьи сутки безвѣстнаго отсутствія, С. К.—чѣ, зная составъ нашей компаніи и, очевидно, увѣренный въ томъ, что мы не могли позволить себѣ ничего такого, что имѣло-бы характеръ скандала, ограничился только тѣмъ, что слегка пожурилъ насъ, говоря: „Куда это вы, окаянные, запропалились?! И попа-то съ собою увезли!“ Даже и при рѣдкихъ крупныхъ исторіяхъ С. К.—чѣ, вынужденный прибѣгнуть къ строгому наказанію, старался употребить всѣ доступныя ему мѣры, чтобы спасти виновнаго или облегчить его печальную участь, а потому и суровая кара, постигавшая кого-либо изъ товарищей, не вызывала въ нашей средѣ какого-либо озлобленія или враждебнаго чувства къ начальству, такъ какъ для всѣхъ было ясно, что сдѣлано только то, что являлось неизбѣжнымъ и чего не сдѣлать не было возможности.

Младшую инстанцію инспекторскаго надзора представлялъ субъ-инспекторъ, котораго мы называли „маленькое начальство“ или „субикъ“. Трое молодыхъ академикомъ, послѣдовательно занимавшіе при насъ эту должность, смотрѣли на нее, какъ на переходную ступень въ своей служебной карьерѣ, и при первой возможности спѣшили перейти на какое-либо болѣе интересное мѣсто,—преимущественно преподава-

тельское въ семинаріи. Въ отношеніяхъ къ студентамъ субикъ обыкновенно ограничивался лишь формальнымъ исполненіемъ своихъ неизбѣжныхъ обязанностей, и большею частію мы видѣли его только тогда, когда онъ обходилъ наши номера и спальни во время лекцій или церковныхъ богослуженій. Заставая здѣсь кого-либо изъ студентовъ на постели или за работой надъ книгами, онъ обязательно напоминалъ ему о необходимости быть въ это время въ церкви или въ аудиторіи и затѣмъ проходилъ дальше, нимало не настаивая на томъ, чтобы его напоминаніе было приведено въ исполненіе. При такой постановкѣ дѣла никакихъ столкновеній съ субикомъ у насъ, кажется, не бывало, а нѣкоторые изъ студентовъ старшаго курса, бывшіе ему почти товарищами, вели съ нимъ домашнее знакомство, ходили къ нему пить чай или провести вечеръ, не вызывая тѣмъ никакихъ косяхъ взглядовъ или подозрѣній со стороны своихъ остальныхъ однокурсниковъ.

Изрѣдка обходы студенческихъ номеровъ совершались и нашимъ высшимъ начальствомъ, при чемъ, Александръ Васильевичъ обыкновенно приходилъ къ намъ въ часы нашихъ вечернихъ занятій. Съ каждымъ студентомъ онъ бесѣдовалъ о предметѣ и ходѣ его работы, просматривалъ бывшія въ его рукахъ пособія и давалъ ему свои совѣты и указанія. Если его посѣщенія и имѣли въ виду какой-либо контроль, то не дисциплинарнаго, а главнымъ образомъ учебнаго свойства. Впрочемъ, какъ-то разъ, замѣтивъ наканунѣ за богослуженіемъ въ академической церкви недостаточное количество студентовъ, онъ сдѣлалъ намъ по этому поводу замѣчаніе при вечернемъ обходѣ номеровъ. Дѣло было въ послѣдніе дни предъ срокомъ, назначеннымъ для подачи сочиненія, и мы откровенно сослались „папашѣ“ на это обстоятельство въ свое оправданіе; но онъ съ кроткой улыбкой заявилъ намъ: „Будьте увѣрены, что написанное во время богослуженія въ прокъ не пойдетъ“.

Г Л А В А VII.

Академическая церковь и богослуженіе. Кончина и погребеніе товарищей. Академическая больница.

За исключеніемъ такихъ особенныхъ случаевъ, какъ срокъ сочиненія, въ посѣщеніяхъ академической церкви мы были

вообще очень исправны и въ этомъ отношеніи прекрасный назидательный примѣръ подавала намъ, вслѣдъ за папашей, почти вся наша профессорская корпорація. Устроенная въ залѣ прежней академической конференціи, небольшая и невысокая церковь наша представляла собою видъ именно церкви домовою, и такой-же домовый характеръ имѣла она и по количеству и по составу своихъ богомольцевъ. Большого числа посѣтителей она вмѣстити не могла ни по своимъ размѣрамъ, ни по количеству воздуха, такъ какъ еще не имѣла въ то время ни особой алтарной пристройки, ни купола. Всю лѣвую половину церкви обыкновенно занимали студенты, а почти всю правую—профессоры и должностныя лица съ ихъ семействами, при чемъ во главѣ ихъ неизмѣнно занимали свое обычное мѣсто предъ амвономъ у праваго клироса тогдашніе столпы нашей академіи Е. В. Амфитеатовъ, Вик. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ и Н. И. Субботинъ. Для постороннихъ посѣтителей мѣста оставалось не много, и они какъ-то совсѣмъ заслонялись преобладающимъ элементомъ нашей академической семьи. Богослуженіе совершалось у насъ весьма благоговѣнно и благолѣпно; но безъ стремленія подражать порядкамъ монастырскимъ, такъ что очень продолжительныхъ службъ, по три или по четыре часа, обыкновенно не бывало и потому чрезмѣрнаго утомленія студенты никогда не испытывали, а члены профессорской корпораціи были, вмѣстѣ съ семействами, постоянными и неизмѣнными посѣтителями своей академической церкви. Едва-ли не единственное исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ П. С. Казанскій, который рѣже другихъ появлялся въ числѣ нашихъ богомольцевъ, такъ какъ предпочиталъ службы лаврскія, и его всегда можно было встрѣтить въ Троицкомъ соборѣ. Академическій клиръ нашъ не былъ тогда такимъ многочисленнымъ, какимъ онъ бываетъ въ академіяхъ послѣдняго времени, но тѣмъ не менѣе онъ представлялся вполне достаточнымъ для того, чтобы въ потребныхъ случаяхъ богослуженіе могло устроиться съ приличною торжественностію. Изъ числа студентовъ въ составъ этого клира входили три священника старшаго (28-го) курса, два—нашего (29-го) и одинъ—слѣдующаго за нами (30-го). Священники старшаго курса были: о. Іоаннъ Петровъ ¹⁾, съ

¹⁾ Впослѣдствіи о. Іона, архимандр. Московскаго Даниловскаго монастыря.

масивной, тучной фигурой и вѣжнымъ, сладкимъ голоскомъ; о. Петръ Виноградовъ, ¹⁾ котораго его товарищи прозвали Verfasser'омъ за то, что онъ принялъ на себя исполненіе заказа какой-то книгоиздательской фирмы составить житія святыхъ на всѣ дни года. Студенты острили, что, исполняя этотъ заказъ, о. Петръ на 29-е число декабря старался написать житіе четырнадцати тысячъ младенцевъ, въ Виелеемѣ избіенныхъ. Затѣмъ, о. Ипполитъ Лютостанскій, перешедшій въ православіе изъ католическихъ ксендзовъ, служившій съ большимъ акцентомъ, но замѣчательно высокимъ и звонкимъ теноромъ, по поводу котораго нашъ слуга-церковникъ говорилъ, что о. Ипполитъ „служить по канареичному“. Священниками съ нашего курса были: „историческій“ о. Георгій Орловъ и о. Тимоѳей Лубянской,—страстный любитель споровъ, преимущественно на философскія темы. Къ немалому развлеченію товарищей, оппонентомъ о. Тимоѳею часто выступалъ одинъ изъ нашихъ однокурсниковъ М. А. Остроумовъ, человекъ очень умный и начитанный и также большой любитель словопреній. Сдѣпившись съ о. Тимоѳеемъ, они до такой степени увлекались затѣяннымъ диспутомъ, что, раскраснѣвшіеся и всклокоченные, совершенно забывали, повидимому, все окружающее, переставали слушать и понимать другъ друга и, говоря каждый свое, какъ будто старались только о томъ, чтобы своими зычными голосами перекрычать одинъ другого. Въ церкви о. Тимоѳей служилъ не просто и естественно, какъ другіе, а съ какими-то особенными, искусственными приѣмами, какъ въ поступи и манерѣ держать себя, такъ и въ произношеніи и въ тонѣ голоса. Заамвонную молитву, которая ему, какъ одному изъ младшихъ членовъ клира, часто выпадала на долю, онъ читалъ то какимъ-то едва слышнымъ, замогильнымъ голосомъ, то, напротивъ, слишкомъ громко, съ звонкими и рѣзкими выкриками, и мы всѣ уже привыкли ожидать, что онъ при своемъ чтеніи каждый разъ допустить что-либо особенное. Въ концѣ 1872 года къ указаннымъ лицамъ присоединился еще поступившій въ составъ 30-го курса о. іеромонахъ Рафаилъ, впоследствии долгое время служившій въ академіи на должности помощника бібліотекаря и скончавшійся

¹⁾ Впоследствии — преосвященный епископъ Паисій.

архимандритомъ и, кажется, синодальнымъ ризничимъ въ Москвѣ.—Въ санѣ діакономъ подвизались у насъ о. Іоаннъ Казанскій ¹⁾, обладавшій легкимъ пріятнымъ басомъ и потому исполнявшій въ академической церкви обязанности протодіакона, и затѣмъ—три грека: о. Прокопій Икономидисъ, о. Германъ Апостолидисъ и о. Θεоклитъ Τριανταφυλιδисъ,— всѣ изъ состава старшаго (28-го) курса. Изъ нихъ о. Прокопій, поступившій въ академію изъ студентовъ аѳинскаго университета, былъ человекъ талантливый, чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса получилъ степень магистра богословія и, постепенно возвышаясь у себя на родинѣ въ различныхъ церковныхъ и ученыхъ должностяхъ, не такъ давно скончался въ санѣ митрополита Аѳинскаго. Это былъ красавецъ и по внѣшности, съ тонкими, изящными чертами интеллигентнаго лица и съ великолѣпной, волнистой шевелюрой, спускавшейся ниже талии. Раза два у насъ на глазахъ эта роскошная шевелюра о. Прокопія исчезала и студенты рассказывали, что будто-бы ея владѣлецъ получалъ за это хорошее вознагражденіе отъ какого-то парикмахера. Оо. діаконъ—греки служили въ нашей церкви очень исправно и благолѣпно, но, конечно, съ весьма большимъ акцентомъ и даже съ неправильностями въ произношеніи. Товарищи по этому поводу острили надъ ними, что будто-бы они вводятъ богомолцевъ въ соблазнъ, провозглашая „возлюбимъ другъ друга“.—Великимъ торжествомъ для нашихъ грековъ была та литургія, которая ежегодно совершалась въ академической церкви на греческомъ языкѣ въ одинъ изъ ближайшихъ воскресныхъ дней послѣ праздника Пасхи. Начиная съ часовъ, всѣ чтенія и пѣснопѣнія этого богослуженія всѣми участвующими произносились по гречески, а предстоительствовавшій о. ректоръ читалъ на этомъ языкѣ и всѣ тайные молитвы въ алтарѣ. Пѣвчіе—студенты обоихъ клиросовъ исполняли литургійныя пѣснопѣнія по нотамъ, выписанными, какъ говорили тогда, изъ Венеціи. Мотивы этихъ пѣснопѣній, очень красивые и музыкальные, были, повидимому, скорѣе итальянскаго, чѣмъ греческаго происхожденія, и совсѣмъ не давали тѣхъ своеобразныхъ руладъ, которыя составляютъ характерную особенность греческаго

1) Впослѣдствіи—преосвященный епископъ Іоанникій.

церковнаго гѣнія, какъ его можно слышать напр. въ Константинополѣ, или въ Московскомъ греческомъ монастырѣ. Но за то ужъ наши о.о. діаконъ, читавшіе апостоль, евангеліе и символъ вѣры, произносившіе эктени и втроемъ исполнявшіе въ алтарѣ троекратное „Χριστός ἀνάστη“, представляли намъ настоящіе образцы чисто греческихъ модуляцій. На нашъ русскій слухъ это чтеніе и гѣніе производило нѣсколько странное впечатленіе; но пріятно было видѣть восторженное церковно-патріотическое одушевленіе исполнителей, которое ясно показывало, что эта академическая литургія навсегда останется для нихъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и дорогихъ воспоминаній за годы пребыванія на далекой чужбинѣ.

—Высшій составъ нашего академическаго клира представляли: о. ректоръ, считавшійся настоятелемъ церкви, о. архимандритъ Михаилъ, о. протоіерей Ф. А. Сергіевскій и экономъ академіи, о. іеромонахъ Ириней. Благоглѣпное, замѣчательно осмысленное и выразительное служеніе о. Михаила намъ очень нравилось, но какъ онъ, такъ и о. прот. Сергіевскій, выступали въ академической церкви очень не часто. Сколько помнится, намъ приходилось видѣть ихъ священнодѣйствовавшими лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда совершалось въ нашей церкви архіерейское служеніе, или когда имъ выпадало на долю замѣнять въ предстоятельствѣ о. ректора, какъ напр. въ дни большихъ лаврскихъ праздниковъ Св. Троицы и памяти Преп. Сергія, когда Александръ Васильевичъ долженъ былъ принимать участіе вмѣстѣ съ митрополитомъ въ торжественныхъ богослуженіяхъ Троицкаго собора. Только однажды видѣлъ я, какъ А. В.—чъ и о. Михаилъ безъ архіерейскаго служенія священнодѣйствовали оба вмѣстѣ, при отпѣваніи врача академіи Н. П. Страхова, ¹⁾ и это былъ единственный, встрѣченный мною въ жизни, примѣръ, что два митрофорныхъ священнослужителя, предстоятельствуя въ большомъ сонмѣ духовенства, стояли рядомъ, какъ это обычно принято у архіеревъ. Такой обрядовый пріемъ показался мнѣ очень красивымъ и благоглѣпнымъ и я увѣренъ, что безъ достаточныхъ основаній его никакъ не допустилъ бы такой ученый и строгій ревнитель церковнаго

¹⁾ Это было не въ академической церкви, а въ лаврской—Смоленской Божіей Матери.

порядка, какимъ былъ нашъ „папаша“. При академическихъ богослуженіяхъ cadaго воскреснаго и праздничнаго дня о. ректоръ всегда былъ неизмѣннымъ предстоятелемъ, и только болѣзнь или какая-либо крайняя необходимость могла вынужденно отвлечь его отъ участія въ богослуженіи. Это былъ человѣкъ глубокой вѣры. Въ святой храмъ влекла его не-удержимая потребность души, „а когда онъ былъ въ храмѣ, возвышенное религіозное настроеніе такъ глубоко проникало его, что невольно отражалось во всемъ его существѣ и производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. По отзыву тѣхъ, которымъ приходилось служить вмѣстѣ съ А. В.—чемъ, ихъ охватывалъ нерѣдко благоговѣйный трепетъ, когда онъ со слезами восторженнаго умиленія предстоялъ престолу Божію и дрожащимъ отъ волненія голо-сомъ произносилъ священныя слова литургіи. Глубоко за-падали въ душу слушателей и слова назиданія, съ которыми онъ нерѣдко обращался къ своимъ питомцамъ въ церковныхъ поученіяхъ, особенно во дни приобщенія. Каждый невольно чувствовалъ и понималъ, что не искусственные плоды краснорѣчія касаются его слуха, а такія слова, которыя прямо исходятъ отъ пламенѣющаго вѣрою и любовію сердца“¹⁾. Сильное впечатлѣніе производили также на насъ его поученія при концѣ учебнаго года, или по поводу какихъ-либо выдающихся современныхъ церковныхъ и общественныхъ событій, какъ напр. въ день исполнившагося десятилѣтія Высочайшаго Манифеста 19-го февраля, или по поводу греко-болгарскаго церковнаго спора.

Правый академическій хоръ въ наше время состоялъ подъ управленіемъ сперва студента старшаго курса В. П. Спасскаго, а затѣмъ—нашего однокурсника И. Н. Корсунскаго. Выборъ піесъ въ этомъ хорѣ вообще былъ удачный, а исполненіе по своей стройности и выразительности производило всегда хорошее впечатлѣніе, хотя какими-либо особенно-рѣдкостными голосами и выдающимися солистами наша капелла похвастаться не могла. Что касается хора лѣваго, то, подъ управленіемъ П. М. Апостольскаго, онъ составленъ былъ изъ второсортныхъ любителей, которые ни талантами, ни искусствомъ не отличались. Пѣли они, конечно, по вдох-

¹⁾ См. мою статью „Изъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ“.

новенію и безъ всякаго приготовленія, а потому иногда случалось даже, что при концѣ малой эктени, на послѣднемъ „аминь“, вдругъ устраили такую отчаянную какофонію, распознаясь всѣ врознь, что многіе изъ присутствующихъ съ трудомъ удерживались отъ смѣха. П. М.—чѣ въ шутку называлъ это „поставили точку“, а нѣкоторые изъ товарищей утверждали даже, что будто-бы это дѣлалось съ намѣреніемъ, изъ баловства. Зная, что П. М.—чѣ былъ человѣкъ очень религіозный, я никакъ не думаю, что онъ могъ допустить такую глупую шалость за церковною службой.—По желанію „папаша“, сдѣлана была попытка устроить въ нашей церкви обще-студенческое пѣніе, хотя-бы нѣсколькихъ пѣснопѣній какъ всенощнаго бдѣнія, такъ и литургіи, при чемъ для исполненія этихъ пѣснопѣній оба клироса должны были сходиться на средину церкви и къ ихъ пѣнію примыкали-бы всѣ остальныя студенты, присутствовавшіе за богослуженіемъ. Опытъ произведенъ былъ за нѣсколькими службами и, по-видимому, съ успѣхомъ; но почему-то задуманный новый порядокъ не привился и вскорѣ все опять пошло по старому.

На долю нашего курса выпалъ печальный почивъ, обновить академическую церковь первымъ чиномъ погребенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положить начало особому академическому кладбищу. Одинъ изъ моихъ товарищей, питомецъ пермской семинаріи В. Д. Головинъ, только что перешедшій на второй курсъ, заболѣлъ ревматизмомъ въ ногѣ и помѣстился въ нашу академическую больницу. Его болѣзнь никому изъ насъ не представлялась серьезной, но будто-бы, по словамъ врача, отъ того, что онъ коротко остригся, ревматизмъ паль на голову и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ свелъ его въ могилу. Почившій юноша окруженъ былъ всѣми знаками молитвеннаго вниманія со стороны начальства и товарищей. Александръ Васильевичъ съ сонмомъ духовенства два раза въ день совершалъ при гробѣ панихиды, при участіи хора пѣвчихъ и всѣхъ студентовъ, а мы, однокурсники почившаго, распредѣлили между собою очередь чтенія псалтири на всѣ дни до погребенія. Хорошо помню то нѣсколько жуткое чувство, которое пришлось мнѣ испытать при этомъ чтеніи. Большая больничная палата, совсѣмъ освобожденная отъ всякой мебели и широкимъ корридормъ отдѣленная отъ

всѣхъ другихъ обитаемыхъ помѣщеній больницы, подавляла своею пустотой и безлюдьемъ. Почти по срединѣ палаты на катафалкѣ гробъ и кругомъ подсвѣчники съ высокими не зажженными свѣчами, обвитыми траурнымъ крепомъ. Одинокое пламя маленькой восковой свѣчки слабо трепещетъ въ рукѣ моей надъ страницей псалтири, освѣщая пространство лишь на нѣсколько аршинъ. Вокругъ такая тьма мрачнаго октябрьскаго вечера, что совсѣмъ не видно дальнихъ угловъ комнаты, и едва вырисовываются силуэты оконъ. Голосъ моего чтенія уныло и гулко разносится въ окружающей пустотѣ, а каждый неожиданный, откуда-то послышавшійся, стукъ или шорохъ невольно заставляетъ вздрагивать и напрягать зрѣніе въ загадочную тьму. Нѣкоторые изъ болѣе нервныхъ товарищей совсѣмъ не выносили такой обстановки, а другіе отправлялись на свою очередь чтенія даже и днемъ не иначе, какъ въ обществѣ кого-либо изъ своихъ друзей. Профессорская корпорація почти въ полномъ составѣ присутствовала при погребеніи. По предложенію о. ректора, я долженъ былъ приготовить надгробное слово, а самъ онъ произнесъ небольшую рѣчь за отпѣваніемъ. Проводя въ своемъ надгробномъ словѣ параллель между евангельскимъ сыномъ вдовы наинской и нашимъ почившимъ, который также былъ сынъ бѣдной вдовы, я, между прочимъ, указывалъ на тяжкую горестъ ранней кончины: для самого почившаго, который только-что начиналъ еще свою юную жизнь; для бѣдной матери, теряющей въ немъ свою послѣднюю опору и радость въ старости, и для любившихъ его сверстниковъ, которые лишаются товарища и друга. Развитие каждой изъ этихъ мыслей я заключалъ словами: „юноше, тебѣ глаголемъ, востани!.. Но не встаетъ юноша“. Этотъ ораторскій приѣмъ казался мнѣ тогда очень сильнымъ и вполне умѣстнымъ, но дорогой „папаша“, очевидно, усмотрѣлъ нѣкоторое излишнее дерзновеніе въ моей попыткѣ вложить въ наши уста всесильное, божественное слово. Мои заключительныя восклицанія онъ замѣнилъ словами: „Что же, не обратится ли намъ съ молитвою къ Жизнодавцу, чтобы Онъ изрекъ свое всесильное слово: юноше, тебѣ глаголю, востани“.— „Что же, не призвать ли намъ Милосердаго, отъемлющаго всяку слезу отъ очей скорбящихъ, не речетъ ли Онъ и сему сыну вдовицы: юноше, тебѣ глаголю, востани“.— „Не

просить ли всѣмъ намъ, во имя любви, Положившаго душу свою за други своя, чтобы Онъ возвратилъ намъ друга нашего и рекъ ему: юноше, тебѣ глаголю, востани“. Безспорно правильными, замѣчательно-теплыми и сердечными эти поправки Александра Васильевича представляются мнѣ теперь, когда я перечитываю ихъ слишкомъ сорокъ лѣтъ спустя, послѣ ихъ написанія; но въ то время я не былъ ими доволенъ. Мнѣ было жаль отказаться отъ своего ораторскаго приѣма, но, преклоняясь предъ высокочтимымъ авторитетомъ о. ректора, я, конечно, повиновался и произнесъ свое слово такъ, какъ мнѣ было указано. Былъ у насъ, впрочемъ, однажды случай, когда при подобныхъ-же условіяхъ, одинъ изъ товарищей не захотѣлъ подчиниться какой-то поправкѣ А. В-ча и произнесъ съ амвона свою проповѣдь въ томъ видѣ, какъ она была имъ первоначально написана. Проповѣдникъ, очевидно, рассчитывалъ, что его своеволие пройдетъ незамѣченнымъ, но ошибся въ своемъ расчетѣ. Послѣ службы „папаша“ призвалъ его къ себѣ и задалъ такой нагоняй, который надолго остался ему памятнымъ, да, вѣроятно, не забыть и доселѣ. Могила В. Д. Головина положила начало нашему новому академическому кладбищу. Во избѣжаніе нѣкоторыхъ неудобствъ, какъ для лавры, такъ и для академіи, какими сопровождался иногда прежній обычай погребать студентовъ на прилегающемъ къ академіи монастырскомъ смоленскомъ кладбищѣ, академическое начальство признало лучшимъ, съ разрѣшенія митрополита, отдѣлить полосу земли отъ нашего сада, который тянется по фасаду главнаго корпуса и непосредственно примыкаетъ западнымъ концомъ своимъ къ тому-же смоленскому кладбищу. Отдѣленная такимъ образомъ полоса земли представлялась въ сущности продолженіемъ кладбища монастырскаго, но ограждалась отъ него особымъ заборомъ и имѣла свой особый входъ только изъ академическаго сада, находясь потому въ исключительномъ распоряженіи и завѣдываніи академической администраціи. Въ настоящее время это кладбище такъ наполнилось, что вмѣщаетъ въ себѣ уже нѣсколько десятковъ крестовъ и памятниковъ, и, посѣщая Троицкую лавру, каждый признательный питомецъ Московской академіи считаетъ своимъ священнымъ долгомъ зайти сюда и поклониться дорогимъ могиламъ ея достославныхъ подвижниковъ:

А. В. Горскаго, С. К. Смирнова, П. С. Казанскаго, Д. Θ. и Е. Е. Голубинскихъ и др., всю жизнь свою посвятившихъ академіи и даже по смерти сложившихъ прахъ свой на родной имъ академической землѣ. Къ первой могилѣ этого кладбища нашему-же курсу суждено было вскорѣ присоединить и вторую. Холодною осенью слѣдующаго, сколько помнится, года возвращался на пароходѣ по Волгѣ съ лѣтнихъ каникулъ въ академію одинъ изъ нашихъ однокурсниковъ, питомецъ нижегородской семинаріи, А. М. Барнуковъ, цвѣтушій юноша, обладавшій такою физической силой, что въ шутку выходилъ на борьбу противъ двухъ и даже трехъ товарищей, оставаясь при этомъ побѣдителемъ. Однако и его могучая натура не выдержала жестокой простуды на пароходной палубѣ, и почти тотчасъ-же по прїѣздѣ въ посадъ онъ почувствовалъ приступы лихорадки и слегъ въ академическую больницу. Въ продолженіи пяти или шести недѣль болѣзнь становилась сильнѣе и сильнѣе, лихорадка, какъ говорили, приняла форму изнурительной, и вскорѣ нашего атлета не стало. По количеству понесенныхъ потерь нашъ курсъ вообще былъ очень несчастливымъ. Изъ общаго числа поступившихъ въ академію въ 1870 году (41 челов.), окончили вмѣстѣ со мною полный курсъ ученія только 29, и такимъ образомъ за четыре года мы успѣли растерять двѣнадцать человѣкъ, изъ коихъ четверо скончались (двое въ академіи и двое на каникулахъ у родителей), двое были уволены изъ академіи по постановленію совѣта, трое—вышли изъ числа студентовъ задолго до окончанія курса и трое отъ насъ отстали, потерпѣвъ аварію на кандидатскомъ сочиненіи, и окончили свой академическій путь на годъ позднеѣ уже съ составомъ слѣдующаго за нами, 30-го курса.

Неожиданную для насъ потерю двухъ товарищей, скончавшихся въ академической больницѣ при такихъ условіяхъ, что ихъ болѣзнь имѣла на первыхъ порахъ, повидимому, совершенно ничтожный характеръ, а затѣмъ все время была на глазахъ нашего врача и фельдшера, многіе студенты склонны были въ значительной степени ставить въ вину недостаточно умѣлому и внимательному медицинскому уходу. Зная, какъ обычно и какъ легко, безъ надлежащаго знакомства со всѣми обстоятельствами дѣла, обвинять непременно врачей за всякій неблагоприятный исходъ леченія, я не вижу

достаточныхъ основаній къ тому, чтобы въ данныхъ случаяхъ укорять нашихъ академическихъ медиковъ. Очень можетъ быть, что печальный исходъ болѣзни нашихъ товарищей не стоялъ ни въ какой зависимости отъ недостатковъ нашей академической медицины, но не скрою, что эта медицина, благодаря своей довольно первобытной постановкѣ, далеко не пользовалась особеннымъ довѣріемъ въ студенческой средѣ. Академическимъ врачомъ въ наше время былъ уже очень почтенныхъ лѣтъ докторъ медицины Ниль Петровичъ Страховъ. Благодушный толстякъ, балагуръ и каламбуристъ, онъ пользовался репутаціей очень милого человека, пріятнаго себеѣдника, забавнаго и желаннаго члена всякой веселой компаніи; но, какъ врачъ, не производилъ серьезнаго впечатлѣнія и потому мало внушалъ довѣрія при затруднительныхъ случаяхъ. Входя въ нашу больничную палату, онъ обыкновенно громко спрашивалъ: „Ну что, всѣ мои больные, слава Богу, здоровы?“ Затѣмъ начинался очень быстрый и бѣглый обходъ по койкамъ, сопровождавшійся неизбѣжными каламбурами. Въ особенномъ употребленіи были у него какія-то двѣ микстуры, одна краснаго, другая бѣлаго цвѣта, изготовлявшіяся въ большомъ количествѣ его помощникомъ, фельдшеромъ Федоромъ Романовичемъ Бесѣдкинымъ. Обходя больныхъ студентовъ въ сопровожденіи Ѡ. Р—ча, онъ отдавалъ ему приказанія: „Этому—красненькой“, „ну, а этому—бѣленькой“. Федоръ Романовичъ былъ бравый мужчина изъ военныхъ фельдшеровъ николаевского закала съ большой лысиной и съ солидными, почти сѣдыми бакенбардами. Онъ очень часто заходилъ къ намъ въ палату и, поглаживая свою лысину, принималъ горячее участіе въ нашихъ разговорахъ. Это былъ большой любитель побесѣдовать, въ особенности о политикѣ, а тогда было такое время, когда для политическихъ разговоровъ представлялся широкій просторъ. Мы начинали свой курсъ въ академіи въ интересную эпоху франко-прусской войны; газеты и журналы читались у насъ на расхватъ и во всѣхъ углахъ академическихъ помѣщеній постоянно шли оживленные споры о современныхъ политическихъ событіяхъ. Шли эти споры съ участіемъ Ѡ. Р—ча и въ больничной палатѣ, гдѣ пришлось мнѣ провести три недѣли въ самый разгаръ интересныхъ событій. Въ однообразную и скучную больничную жизнь

большое утѣшеніе вносили обычные посѣщенія Александра Васильевича. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, когда въ больницѣ были лишь очень немногіе студенты и притомъ съ болѣзнями, не представлявшими ничего серьезнаго, нашъ „папаша“ считалъ всетаки своимъ священнымъ долгомъ навѣстить ихъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Когда-же бывали тамъ болѣе серьезные больные, онъ посѣщалъ ихъ гораздо чаще, даже каждый день, а въ тяжелыхъ случаяхъ самъ приходилъ послѣ литургіи напугать болящаго Свят. Дарами. При своихъ обычныхъ посѣщеніяхъ дорогой „папаша“ подсаживался къ больному студенту на койку, ласково бесѣдовалъ съ нимъ, старался утѣшить въ его безпокойствѣ по поводу вызванной болѣзнію задержки въ занятіяхъ, приносилъ ему иногда книги для легкаго чтенія и потомъ присылалъ даже съ своимъ служителемъ какой-нибудь молочной каши или чего-либо сладкаго, въ дополненіе къ больничному столу, который и безъ того всегда былъ очень хорошимъ. Не обходились подѣ часъ эти посѣщенія и безъ комическихъ происшествій. Случилось напр., какъ-то разъ, что въ больницѣ оказалось человѣка два совсѣмъ уже выздоровѣвшихъ, доживавшихъ здѣсь послѣдніе дни, къ нимъ присоединился одинъ изъ тѣхъ, которые иногда попадали сюда не по болѣзни, а по собственному ихъ усиленному ходатайству предъ врачомъ о разрѣшеніи имъ пользоваться нѣкоторое время улучшеннымъ больничнымъ питаніемъ, да зашелъ еще навѣстить ихъ одинъ изъ товарищей, и составила такимъ образомъ пріятная компанія, очень мало имѣвшая отношенія къ больничному режиму. Поставили между койками небольшой столикъ, разложили карты и, больничной скуки ради, успѣли сразиться въ ералашъ. Вдругъ отворилась дверь и торопливо вошелъ къ намъ Ѳ. Р—чъ, озабоченнымъ шопотомъ говоря: „о. ректоръ!“ Мигомъ расхватили карты, а я, бывший однимъ изъ участниковъ компаніи, схватился за столикъ и бросился съ нимъ, чтобы поскорѣе убрать его съ необычнаго мѣста, но, зацѣпившись за что-то, загремѣлъ и растянулся посреди палаты вмѣстѣ со столикомъ. Къ счастью, инцидентъ окончился вполне благополучно: никакого членовредительства я себѣ не причинилъ, а „папаша“ совсѣмъ и не было, такъ какъ оказалось, что это подшутилъ надъ нами нашъ Ѳ. Р—чъ.

Въ другой разъ происшествіе закончилось не безъ нѣкоторой потери. Лежалъ въ больницѣ одинъ студентъ старшаго курса съ переломленною ногою. Самъ онъ былъ, по общему состоянію своему, совершенно здоровъ, а потому, не пользуясь никакими лекарствами, не прочь былъ иногда по собственному рецепту прибѣгнуть къ внутреннему приему изъ сороковушки, чему *Ө. Р.*—чь обыкновенно не препятствовалъ. Только что расположился онъ однажды съ своимъ товарищемъ, какъ дали знать, что идетъ „папаша“. Товарищъ успѣлъ куда-то скрыть всѣ признаки закуски, а самъ болящій схватилъ сороковушку и сунулъ ее къ себѣ подъ одѣяло. Александръ Васильевичъ подошелъ прямо къ нему, подсѣлъ на койкѣ и началъ бесѣдовать. Сперва все шло благополучно, но затѣмъ нашъ больной, поддерживая разговоръ съ „папашей“, вдругъ началъ чувствовать, что его сороковушка, очевидно второпяхъ плохо прикрытая, отпкннулась и живительная влага стала вытекать на постель. Послѣ онъ намъ рассказывалъ, какія мучительныя терзанія испытывалъ онъ, ощущая постепенную гибель дорогого продукта и не имѣя ни малѣйшей возможности, на глазахъ у „папашы“, принять какія-либо мѣры къ спасенію погибающаго. Такъ половина содержимаго въ посудинѣ и погибла безвозвратно.

ГЛАВА VIII.

Ученыя торжества въ академіи: годовыя акты и докторскіе диспуты. Дѣло П. С. Казанскаго. Наше окончаніе академическаго курса.

Благодаря тому обстоятельству, что мы поступили въ академію вмѣстѣ со введеніемъ въ ней новаго устава, въ нашу, вообще довольно однообразную, студенческую жизнь вошла значительная струя нѣкоторыхъ новыхъ, иногда очень интересныхъ впечатлѣній. Я разумѣю публичныя академическія собранія, которыя, по требованію устава, стали обязательными.—Начиная съ 1871-го года, ежегодно перваго октября, въ день открытія академіи, совершался торжественный актъ. Наканунѣ этого дня, за заупокойной литургіей и панихидой, происходило поминовеніе всѣхъ почившихъ начальниковъ, учившихъ и учившихся въ академіи за все время ея существованія. При этомъ въ академическую церковь приносилась почитаемая лаврская святыня,—большая

икона Преп. Сергія, написанная на его гробовой доскѣ, которую съ пѣніемъ: „ублажаемъ тя, преподобне Отче Сергіе“, студенты обносили по всѣмъ жилымъ помѣщеніямъ академіи. На самый день праздника пріѣзжалъ московскій викарій, епископъ Игнатій, который служилъ всенощную и литургію и затѣмъ предсѣдательствовалъ на актѣ. Торжественное собраніе начиналось вступительной молитвой, послѣ которой слѣдовала ученая рѣчь. За годы студенчества мы выслушали три актовыя рѣчи: о ректора—„о соборѣ Іерусалимскомъ 1672 года“, Е. В. Амфитеатрова—„о существѣ и свойствахъ художественной дѣятельности“ и С. К. Смирнова—„Константинъ Экономосъ и сочиненіе его о сродствѣ славяно-русскаго языка съ эллинскимъ“. На нашъ студенческій взглядъ, всѣ эти рѣчи не отличались особеннымъ интересомъ. Рѣчь Александра Васильевича показалось намъ слишкомъ сухою и специальною; Егоръ Васильевичъ прочиталъ не иное что, какъ многимъ хорошо знакомую выдержку изъ курса своихъ лекцій, по обыкновенію превосходно обработанную по внѣшней формѣ, но излагавшую довольно туманныя эстетическія теоріи въ гегельянскомъ стилѣ, а Сергій Константиновичъ сообщалъ мелочныя и мало интересныя подробности изъ біографіи Экономоса, потѣшивъ лишь публику курьезными примѣрами его удивительнаго производства отъ греческаго корня такихъ русскихъ словъ, какъ шляпа, лапша, квась, калачъ и т. пд. Излагалъ эти курьезы Сергій Константиновичъ со свойственнымъ ему невозмутимымъ спокойствіемъ, а всѣ присутствовавшіе покатывались со смѣха. Послѣ ученой рѣчи слѣдовало чтеніе секретаремъ академіи отчета за истекшій годъ и затѣмъ раздача наградъ деньгами и книгами лучшимъ студентамъ третьяго и второго курса. Изъ московскихъ почетныхъ посѣтителей, кромѣ пресев. Игнатія, на нашемъ академическомъ праздникѣ не бывало почти никого. За все время своего студенчества мы видѣли на немъ изъ московскихъ гостей только ректора университета Сергія Михайловича Соловьева, слушавшаго рѣчь объ Экономосѣ, да одного или двухъ московскихъ протоіереевъ, которые, защищая своихъ собратій, такое, нѣсколько обидное для академіи, отношеніе къ ея годичному празднику со стороны ея питомцевъ объясняли тѣмъ, что праздничный день Покрова Пресвятыя Богородицы и крестный ходъ въ Покров-

скій, Василя Блаженнаго, соборъ не даютъ имъ возможности выѣхать изъ Москвы. Постороннюю публику на академическомъ актѣ обычно составляли: корпорація Виѣанской семинаріи и представители посадской администраціи и интеллигенціи, какъ полиціймистеръ, мировой судья, начальникъ почтовой конторы и т. пд., съ ихъ семействами.

Несравненно большой интересъ, конечно, представляли для насъ ученые диспуты. Это была крупная новость, впервые введенная въ академическую жизнь уставомъ 1869-го г., такъ какъ до этого времени ученія богословскія степени присуждались академіями и утверждались синодомъ безъ публичной защиты. Мало того, новый уставъ требовалъ, чтобы въ званіе ординарнаго профессора избирались только тѣ, которые имѣютъ докторскую степень. Соотвѣтственно этому требованію, было предписано всѣмъ наличнымъ ординарнымъ профессорамъ въ трехлѣтній срокъ озаботиться полученіемъ докторской степени, а въ случаѣ неисполненія этого требованія оставить службу при академіи. Двое изъ нашихъ ординарныхъ профессоровъ—Е. В. Амфитеатровъ и прот. Ф. А. Сергіевскій—не сочли нужнымъ пріобрѣтать высшую ученую степень и потому при наступленіи назначеннаго срока оставили академическую службу. Егору Васильевичу не было смысла заботиться о докторствѣ, такъ какъ чрезъ три года ему уже почти исполнялся тридцатипятилѣтній срокъ профессорской службы, который по тому же уставу 1869 года являлся для профессора предѣльнымъ, послѣ чего, хотя бы и съ докторскою степенью, онъ уже не могъ болѣе оставаться на кафедрѣ. Протоіерей-же Сергіевскій счелъ для себя за лучшее принять избраніе на должность ректора Виѣанской духовной семинаріи. Что касается остальныхъ ординарныхъ профессоровъ, то всѣ они сочли долгомъ выполнить требованіе новаго устава и такимъ образомъ на нашу долю выпало быть свидѣтелями цѣлаго ряда ученыхъ состязаній при публичной защитѣ докторскихъ диссертаций. На соисканіе докторской степени о. Михаилъ и П. С. Казанскій представили уже прежде написанныя ими сочиненія: „О Евангеліяхъ и евангельской исторіи“ по поводу книги Ренана „жизнь Іисуса“ и „Исторія православнаго монашества на востокъ“ при чемъ Петръ Симоновичъ къ прежней книгѣ своей присоединилъ два вновь написанныхъ дополненія:

„объ источникахъ для исторіи монашества Египетскаго въ IV и V вѣкахъ“ и „общій очеркъ жизни иноковъ Египетскихъ въ IV и V вѣкахъ“. Ординарные профессора В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ и С. К. Смирновъ и экстраорд. проф. Н. И. Субботинъ представили новыя излѣдованія: „Религія, ея сущность и происхожденіе“, „Филологическія замѣчанія о языкѣ невозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ, при чтеніи посланія Апостола Павла къ Ефесянамъ“ и „Исторія Бѣлориницкой іерархіи“. Диспуты всѣхъ этихъ ученыхъ и заслуженныхъ докторантовъ возбуждали высокой интересъ въ нашей студенческой средѣ и производили на насъ сильное впечатлѣніе. Они представлялись намъ настоящими научными торжествами, какъ по внѣшней обстановкѣ своей, такъ и по внутреннему содержанію, и надолго служили у насъ предметомъ оживленнаго обсужденія и нескончаемыхъ споровъ. Съ внѣшней стороны это были такія блестящія собранія, подобныхъ которымъ нашей деревенской академіи ни при какихъ другихъ случаяхъ видѣть не приходилось. На каждый изъ этихъ диспутовъ пріѣзжало нѣсколько архіереевъ, во главѣ которыхъ мы видѣли и нашего Московскаго Владыку Иннокентія и Кіевскаго Митрополита Арсенія. Сонмъ почетнаго духовенства составляли о. намѣстникъ лавры арх. Антоній, ректоръ Виѣанской семинаріи архим. Сергій, ректоръ Московской семинаріи прот. Н. В. Благоразумовъ, нѣсколько московскихъ архимандритовъ и протоіереевъ. Пріѣзжали также нѣкоторые изъ свѣтскихъ людей, пользовавшихся ученой извѣстностію и интересовавшихся нашей академической наукой. Помню, что были напр. въ ихъ числѣ Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. П. Аксаковъ, Н. К. Соколовъ, П. И. Мельниковъ и съ особенно напряженнымъ вниманіемъ разсматривали мы маститыхъ ветерановъ науки и публицистики—М. П. Погодина и Н. П. Гилярова-Платонова. Академическая корпорація всегда присутствовала на этихъ диспутахъ, конечно, въ полномъ составѣ и съ семействами, а также обильно представлены были Московская и Виѣанская семинаріи и высшее посадское общество, такъ что небольшой актовъ залъ академіи бывалъ наполненъ до тѣсноты. Официальными оппонентами на бывшихъ при насъ докторскихъ диспутахъ выступали: о. ректоръ—три раза и затѣмъ о. Михаилъ, проф. В. В. Кудрявцевъ-Плато-

новъ, В. Н. Потаповъ, А. П. Лебедевъ, прот. Ф. А. Сергіевскій, А. Θ. Лавровъ-Платоновъ и Е. Е. Голубинскій. Почти на всѣхъ этихъ диспутахъ, въ качествѣ частныхъ оппонентовъ, предлагали свои возраженія и замѣчанія нѣкоторые изъ профессоровъ академіи и изъ постороннихъ посѣтителей, какъ напр. П. И. Горскій-Платоновъ, В. О. Ключевскій, Н. П. Аксаковъ, Ю. Θ. Самаринъ, П. И. Мельниковъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и протоіереи—В. П. Нечаевъ, І. Г. Виноградовъ и П. А. Преображенскій.—Изъ докторантовъ наибольшій успѣхъ выпалъ на долю о. Михаила. Въ бесѣдахъ съ оппонентами его глубокія и разностороннія познанія въ области своего предмета, его манера держать себя съ спокойной увѣренностію и величавымъ достоинствомъ, его быстрая находчивость и искусство въ отвѣтахъ и его прекрасная, выразительная дикція производили такое яркое впечатлѣніе, что всецѣло расположили въ его пользу всѣхъ присутствовавшихъ, а своею вступительной рѣчью ¹⁾, превосходно составленной и произнесенной съ замѣчательнымъ ораторскимъ подъемомъ, онъ еще до начала преній уже завладѣлъ симпатіями своей многочисленной аудиторіи, какъ почтенныхъ ученыхъ, такъ и студенческой молодежи. Давъ въ этой рѣчи мѣткую характеристику книги Ренана и того общественнаго броженія и увлеченія которое было вызвано ея появленіемъ и распространеніемъ въ особенности у насъ въ Россіи, о. Михаилъ съ особеннымъ удареніемъ указывалъ на то фальшивое положеніе, въ какомъ находится русскій богословъ-апологетъ, когда разбираемая имъ произведенія западной отрицательной критики Евангелій и евангельской исторіи стоятъ у насъ подъ запретомъ, не допускаются къ переводу, или въ переводахъ заграничныхъ лишь тайкомъ ходятъ по рукамъ читателей, еще сильнѣе привлекая къ себѣ вниманіе, какъ запрещенный плодъ. Охранительныя внѣшнія мѣры не охраняютъ, а часто способствуютъ усиленію враждебныхъ вліяній и броженія. „Нужны болѣе дѣйствительныя мѣры“, говорилъ о. Михаилъ, „для огражденія отъ увлеченій отрицательными ученіями со стороны самой богословской науки нашей или ея представителей. Работы, работы надъ наукой,

¹⁾ Напечатана въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ, 1871 г. ч. XXIV.

какъ можно болѣе и скорѣе, работы нужно намъ прежде всего; не распространенія популяризаціи отрицательныхъ ученій даже до массъ народныхъ, а науки положительной, особенно для молодыхъ поколѣній нашихъ будущихъ богослововъ. Намъ нужно болѣе полное и тщательное изученіе западной богословской науки во всѣхъ ея направленіяхъ; а для этого нужно болѣе, чѣмъ прежде, свободы и простору въ этомъ отношеніи, болѣе—какъ можно болѣе—довѣрія къ охранительнымъ силамъ и стремленіямъ, которыя нужно развивать силой слова и убѣжденія, а не внѣшними только мѣрами, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ нашихъ будущихъ богослововъ "... „Пусть будутъ ошибки и паденія—что за бѣда? Кто выучился ходить прямо и твердо, не упавъ нѣсколько разъ въ началѣ? Гдѣ найти борца, который бы навѣкъ побѣждаетъ другихъ, не будучи самъ въ началѣ поборотъ, или по крайней мѣрѣ ни разу не поскользнувшись, не пошатнувшись, не упавъ?... Итакъ довѣрія поболѣе, довѣрія къ охранительнымъ силамъ и стремленіямъ, простору поболѣе, простору для труда, мысли слова; поболѣе любви и снисхожденія къ невольнымъ ошибкамъ и вообще несовершенствамъ дѣла, особенно на первыхъ порахъ; работы надъ наукой болѣе, работы терпѣливой, настойчивой, неустанной, тогда и науки у насъ будетъ болѣе, крѣпче и сильнѣе будетъ она. А когда всего этого будетъ довольно, тогда и побѣда истины надъ всякими отрицательными и разрушительными ученіями и воззрѣніями будетъ и у насъ обезпечена и съ научной стороны довольно. Тогда и неизбѣжныя бури мысли не такъ будутъ страшны, и волненія увлеченій не такъ опасны, каковыми они могутъ быть въ противномъ случаѣ".—Эти горячіе призывы о. Михаила встрѣчены были громомъ аплодисментовъ и весь залъ единодушно устроилъ ему шумную овацію.

Многіе изъ оппонентовъ, въ особенности напр. нашъ „папаша“ Александръ Васильевичъ и Е. Е. Голубинскій, поражали насъ необычайной ученостью своихъ возраженій; но наиболѣе яркое впечатлѣніе, особенно въ студенческой средѣ, производили, конечно, не эти глубокіе специалисты, а тѣ изъ оппонентовъ, которые въ своихъ бесѣдахъ съ диспутантами къ серьезной учености присоединяли и нѣкоторыя качества, гораздо болѣе способныя завладѣть интересомъ

слушателей. Изъ такого рода оппонентовъ особенно остались у меня въ памяти А. Θ. Лавровъ-Платоновъ и Н. И. Горскій-Платоновъ. Александръ Ѳедоровичъ былъ особенно интересенъ тѣмъ, что своимъ возраженіямъ, по ихъ постановкѣ и внѣшней формѣ выраженія, придавалъ удивительно скромный, мягкій и любезный характеръ, такъ что они, повидимому, должны были представлять собою не столько возраженія, сколько покорнѣйшія просьбы о назиданіи и разъясненіи самому оппоненту его недоумѣній. Въ сущности-же, подъ покровомъ этихъ ласковыхъ разговоровъ оказывались такія вѣскія замѣчанія, которыя приводили докторанта въ немалое затрудненіе и даже ставили подъ-часъ въ совѣмъ безвыходное положеніе. Что касается Павла Ивановича, то онъ выступилъ со множествомъ частныхъ и мелкихъ филологическихъ замѣчаній, которыя, по самому существу своему, были такого свойства, что не представляли почти никакой возможности для какихъ-либо разъясненій и потому ставили докторанта въ необходимость оставаться безотвѣтнымъ. Свои замѣчанія онъ облекалъ въ очень язвительную и рѣзкую форму, съ нескрываемымъ намѣреніемъ произвести извѣстное впечатлѣніе. Всѣ мы знали при этомъ, что такое выступленіе стояло въ непосредственной связи съ разгорѣвшейся въ то время печальной исторіей по поводу выборовъ на пятилѣтіе близкаго родственника оппонента, проф. П. С. Казанскаго, и такимъ образомъ не имѣло непосредственнаго отношенія къ интересамъ науки.

Заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ древней гражданской исторіи и помощникъ ректора (деканъ) по церковно-историческому отдѣленію, П. С. Казанскій состоялъ на академической службѣ съ 1842-го года и такимъ образомъ реформа 1870-го года застала его уже приближающимся къ тридцатилѣтію профессорской дѣятельности. Такъ какъ по новому уставу предѣльный срокъ профессорской службы въ академіи установленъ былъ въ тридцать пять лѣтъ, то Петру Симоновичу предстояла возможность остаться на кафедрѣ до 1877-го года, если онъ удовлетворитъ требованію устава относительно полученія докторской степени и будетъ избранъ совѣтомъ на послѣднее пятилѣтіе послѣ достиженія имъ тридцатилѣтняго срока службы. Исполняя требованіе устава, П. С.—чѣ въ мартѣ 1872 г. представилъ на соисканіе док-

торской степени свое изслѣдованіе „Исторія православнаго монашества на востокѣ“ съ двумя, написанными вновь, дополненіями и дѣлу этому данъ былъ законный ходъ. Между тѣмъ, 27-го сентября того же года, исполнился тридцатилѣтній срокъ службы Петра Симоновича и въ совѣтѣ академіи состоялась баллотировка его на послѣднее пятилѣтіе, при чемъ онъ избранъ не былъ, получивъ равное количество избирательныхъ и неизбирательныхъ голосовъ. Конечно, не представляется возможнымъ опредѣлить съ полною увѣренностію, чѣмъ именно руководствовались недоброжелатели П. С—ча, учиняя такую жестокою расправу съ почтеннымъ старцемъ, всю трудовую жизнь свою посвятившимъ академіи, тѣмъ болѣе, что при закрытой баллотировкѣ всякіе мотивы остаются скрытыми. Едва-ли, однако, подлежитъ сомнѣнію, что научныя соображенія всего менѣе могли имѣть здѣсь мѣста. Какъ ученый, Петръ Симоновичъ пользовался не малою извѣстностію и проявилъ себя въ большомъ количествѣ научныхъ трудовъ, какъ изданныхъ отдѣльными книгами, такъ и напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а именно: въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ“, въ „Москвитянинѣ“, въ „Чтеніяхъ“ и „Временникѣ московскаго общества и исторіи и древностей россійскихъ“, въ „Запискахъ Императорскаго археологическаго общества“, въ „Древностяхъ московскаго археологическаго общества“, въ „Трудахъ перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ“, въ „Русскомъ Архивѣ“, въ „Русскомъ вѣстникѣ“, въ „Отечественныхъ запискахъ“, въ „Православномъ Обзорѣніи“ и въ „Душеполезномъ чтеніи“. Въ качествѣ профессора, онъ, хотя не пользовался блестящимъ успѣхомъ, но неизмѣнно отличался безукоризненною ревностію въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, а потому слушатели всегда относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ. При такихъ условіяхъ, о пригодности П. С—ча для продолженія его профессорской и ученой службы, конечно, не могло быть вопроса; а потому у громаднаго большинства лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ жизнію Московской академіи, составилось убѣжденіе, что его забаллотировка была результатомъ исключительно личныхъ съ нимъ счетовъ тѣхъ членовъ академической корпорации, которые имѣли съ нимъ столкновенія на почвѣ вопросовъ, не относящихся къ наукѣ. Поводовъ къ такого рода

столкновениямъ было не мало, такъ какъ П. С—чь, въ качествѣ помощника ректора, состоялъ членомъ академическаго правленія и такимъ образомъ принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи всѣхъ распорядительныхъ и экономическихъ вопросовъ академіи по ея сложной администраціи и широкому хозяйству. Вотъ въ этой-то области и обнаружилось съ особенной ясностію, что П. С—чь обладалъ такимъ характеромъ, который, при общепринятомъ, хотя и не всегда безукоризненномъ, строѣ житейскихъ отношеній, представлялся подъ-часъ не совсѣмъ удобнымъ для нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ по академическому правленію. Его прямолинейность во взглядахъ и дѣйствіяхъ, его рѣзкая манера выражать свои чувства и мнѣнія, усилившаяся иногда болѣзненной раздражительностію, при всей честности и благожелательности его намѣреній, нерѣдко служили поводомъ къ столкновениямъ и ставили его сотрудниковъ въ непріятныя положенія. Отсюда тѣ недоброжелательныя отношенія къ П. С—чу, которыя, къ сожалѣнію, такъ неумѣстно выразились въ печальномъ исходѣ его баллотировки и затѣмъ столь-же печально отразились на ходѣ дѣла о его докторской диссертациі. Послѣ отрицательнаго результата выборовъ на послѣднее пятилѣтіе службы Петру Симоновичу не было уже никакой практической надобности добиваться высшей ученой степени, но тѣмъ не менѣе онъ не пожелалъ взять свою диссертацию обратно и рѣшилъ предоставить дѣлу о своемъ докторствѣ дальнѣйшее движеніе. Этимъ рѣшеніемъ онъ поставилъ своихъ недоброжелателей въ затруднительное положеніе. Безпрепятственное присужденіе П. С—чу высшей ученой степени было-бы непослѣдовательнымъ послѣ того, какъ онъ только-что признанъ былъ непригоднымъ къ продолженію профессорской службы, а отказать ему въ докторствѣ было, конечно, совсѣмъ не такъ легко, какъ наложить черныхъ шаровъ въ баллотировочный ящикъ. Избравъ все-таки послѣдній путь, они рассчитывали опереться на молодого доцента древней церковной исторіи А. П. Лебедева, которому поручено было представить совѣту официальный отзывъ о диссертациі П. С—ча и который употребилъ все стараніе, чтобы съ возможно большею основательностію привести этотъ отзывъ къ отрицательному заключенію. Однако затворъ не увѣнчался успѣхомъ. Отрицательный отзывъ офици-

ціального рецензента даже и на факультетскомъ собраніи церковно-историческаго отдѣленія не привлечь на свою сторону всѣхъ членовъ отдѣленія и нѣкоторые изъ нихъ отказались присоединить къ этому отзыву свою подпись. Когда-же дѣло перешло въ совѣтъ, на защиту П. С—ча выступили энергично и во всеоружіи подробной научной аргументаціи о. ректоръ и молодой доцентъ В. О. Ключевскій. Защита оказалась настолько основательною, что совѣтъ, вопреки отзыву доц. Лебедева, постановилъ допустить диссертацию П. С—ча къ публичной защитѣ, какъ заслуживающую докторской степени. Однако борьба, очевидно, достигла уже такихъ предѣловъ и страсти такъ разыгрались, что недоброжелатели П. С—ча не захотѣли спокойно примириться съ совершившимся и задумали прибавить ко всему происшедшему еще новый громкій скандалъ, совсѣмъ непозволительный для почтенной ученой корпораціи. Когда приблизилось 28-е число марта (1873 г.),—день, назначенный для диспута П. С—ча и уже объявленный въ газетахъ,—къ о. ректору стали стекаться одна за другою записки отъ членовъ совѣта съ извѣщеніемъ, что по болѣзни они не могутъ присутствовать на диспутѣ, и этихъ записокъ набралось такое количество, которое подрывало установленный уставомъ кворумъ предположеннаго публичнаго собранія. О. ректоръ послѣшилъ лично объѣхать всѣхъ, внезапно заболѣвшихъ членовъ совѣта, но всѣ его усилія поправить дѣло оказались безплодными, и назначенный диспутъ состояться не могъ. Архіереевъ и другихъ почетныхъ особъ, приглашенныхъ изъ Москвы на диспутъ, успѣли предупредить телеграммами; но большое количество посѣтителей, стекавшихся въ академію по газетному объявленію, а въ числѣ ихъ и нѣкоторые почтенныя лица, какъ напр. М. П. Погодинъ, прот. Г. П. Смирновъ-Платоновъ и друг. узнавали о необыкновенномъ происшествіи только изъ вывѣшеннаго на дверяхъ объявленія и съ недоумѣніемъ и негодованіемъ разбѣжались и расходились по домамъ. Недостойная выходка нѣсколькихъ членовъ совѣта произвела, конечно, самое тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, близко принимавшихъ къ сердцу доброе имя Московской академіи, и на полгода затянула дѣло о присужденіи П. С—чу докторской степени. Вторично назначенный диспутъ состоялся уже 2-го октября, при чемъ П. С—чъ съ полнымъ успѣхомъ и

честію вышелъ изъ ученаго состязанія, его защита единогласно признана была удовлетворительною и совѣтъ присудилъ ему докторскую степень.

Такъ закончилась, наконецъ, полтора года тянувшаяся исторія, но, къ сожалѣнію, она оставила по себѣ въ академіи глубокой и печальный слѣдъ. Много волненій и искренняго горя причинила она нашему дорогому „папашѣ“, Александру Васильевичу. Для него, всегда съ уваженіемъ и дружественно относившагося къ П. С—чу, постигшія послѣдняго невзгоды, сами по себѣ, были неожиданнымъ и тяжелымъ ударомъ. И тѣмъ сильнѣе и болѣзненнѣе отозвалась тяжесть этого удара на любящемъ сердцѣ Александра Васильевича, что съ глубокимъ прискорбіемъ пришлось ему при этомъ стать изумленнымъ свидѣтелемъ того, какъ разъединеніе, вражда и ненависть вторглись въ дотолѣ тихую и мирную жизнь дорогой ему академической семьи. Весьма вѣроятно, что, какъ предполагали многіе изъ близко знавшихъ его, испытанныя имъ въ данномъ случаѣ огорченія, оказали немалое вліяніе на разстройство его здоровья и были отдаленною причиною, или по крайней мѣрѣ обстоятельствомъ, много содѣйствовавшимъ развитію той тяжелой болѣзни, которая, открывшись сильнымъ сердечнымъ припадкомъ въ декабрѣ 1874 года, свела его въ могилу. Печально отразилось дѣло П. С—ча и на взаимныхъ отношеніяхъ членовъ академическаго совѣта. При обсужденіи и рѣшеніи каждаго болѣе или менѣе важнаго вопроса, въ особенности-же при выборахъ, еще долгое время можно было замѣтить, что совѣтъ академіи раскололся на двѣ враждебныхъ партіи: „симонистовъ“ и „анти-симонистовъ“, какъ называли ихъ студенты, и предложеніе, исходившее отъ одной изъ этихъ партій, почти всегда встрѣчало себѣ противодѣйствіе со стороны другой. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ и перемѣнъ въ личномъ составѣ академіи мало-по-малу сгладился этотъ несчастный разладъ, и внутренняя жизнь ея стала постепенно входить въ свою прежнюю тихую и мирную колею. Весьма печально было, наконецъ, и то, что нашъ профессорскій раздоръ сталъ предметомъ обсужденія и осужденія въ широкомъ кругу интеллигентнаго общества, которое съ полнымъ правомъ могло сказать и говорило то, что было напр. высказано въ одной московской газетѣ: „Не дѣлають чести Московской Духовной

Академіи, столь славной многими именами и трудами, тѣ ненаучные интересы, которые такъ явственно сказались въ дѣлѣ г. Казанскаго“ 1).

Самъ Петръ Симоновичъ перенесъ постигшее его жестокое испытаніе съ замѣчательнымъ мужествомъ, смиреніемъ и покорностію волѣ Божіей. Вотъ что писалъ онъ напр. своему брату въ день роковой для него совѣтской баллотировки: „Сейчасъ была баллотировка, и я экс-профессоръ, пять голо-совъ за избраніе, пять отрицательныхъ. Слѣдовательно вы-боръ не состоялся. Послѣ объявленія результата я молча поклонился, оставилъ собраніе и зашелъ поблагодарить Пре-подоб. Сергія за то, что устроилъ по волѣ Божіей, а не по моей. Признаюсь съ спокойнымъ духомъ выслушалъ я этотъ результатъ избранія. Такъ по волѣ Божіей заканчиваю я свою трудовую ученую дѣятельность. О если бы Господь не лишилъ малой хотя награды на Своемъ судѣ. Не устояли мои дѣла на судѣ человѣческомъ, устоять ли на судѣ Бо-жіемъ? Или Господь призываетъ меня отъ суеты ученой обра-титься къ единому на потребу. Буду внимать глаголу Божію и Его призванію“. Къ А. Н. Бахметевой онъ писалъ: „Бла-годареніе за все Господу. Много теперь доходить до меня выраженій удивленія и негодованія за то, что такъ посту-пили со мною нѣкоторые изъ товарищей. Но вѣрю милости Божіей, что и сіе послужитъ къ моему благу. Одна мнѣ гру-стна мысль, что въ недоброжелателяхъ моихъ обнаруживается какая-то упорная ненависть ко мнѣ. Чѣмъ я возбудилъ ее, не знаю. Многимъ изъ нихъ я оказалъ значительную услугу и никому не дѣлалъ и не желалъ зла. Правда, я былъ не-зависимъ въ своихъ мысляхъ, прямо высказывалъ, что при-знавалъ справедливымъ, не льстилъ и не угождалъ никому въ ущербъ своихъ убѣжденій. Но Отче Небесный! остави намъ долги наши, какъ мы оставляемъ должникомъ на-шимъ“ 2).

Что касается студентовъ, то во все продолженіе печальной

1) Въ „Современныхъ извѣстіяхъ“. См. юбилейный сборникъ „У Троицы въ Академіи“, стр. 165, примѣчаніе.

2) Обѣ выдержки взяты изъ статьи Прот. А. А. Бѣляева „Профессоръ Московской Духовной Академіи Петръ Симоновичъ Казанскій“ въ юби-лейномъ академическомъ сборникѣ: „Памяти почившихъ наставниковъ“ стр. 280 прим. и 286.

исторіи мы были рѣшительно на сторонѣ потерпѣвшаго. Какъ къ профессору, продолжавшему исполненіе всѣхъ своихъ обязанностей, по приглашенію того-же, забравовавшаго его, совѣта, до конца 1873—1874 учебнаго года, мы относились къ нему съ неизмѣннымъ уваженіемъ; а на докторскомъ диспутѣ единодушно устроили ему шумную овацію. Церковно-историческое отдѣленіе нашего курса, желая чѣмъ-либо демонстративно выразить ему свое сочувствіе и уваженіе, рѣшило просить его сняться вмѣстѣ со всеми нами на фотографической группѣ и затѣмъ этотъ снимокъ въ хорошей рамѣ поднести ему на добрую память. Всею толпой отправились мы въ фотографію и устроились группой, имѣя у себя въ центрѣ П. С—ча на особомъ креслѣ. Работа фотографа шла что-то не особенно успѣшно, такъ что намъ пришлось усаживаться нѣсколько разъ, а Петръ Симоновичъ по этому поводу благодушно шутилъ, что ему съ фотографіей не везетъ такъ-же, какъ съ диспутомъ. Въ концѣ-концовъ группа вышла удачной и дней черезъ десять мы, въ полномъ составѣ нашего церковно-историческаго отдѣленія, торжественно отправились для ея поднесенія П. С—чу въ домъ его на Виѣанской улицѣ. Растроганный старецъ радушно принялъ нашъ привѣтъ и подарокъ, въ немногихъ прочувственныхъ словахъ выразилъ свою благодарность и затѣмъ предложилъ намъ небольшое угощеніе, во время котораго сердечно бесѣдовалъ съ нами о нашихъ текущихъ дѣлахъ и приближающемся окончаніи академическаго курса. Каждый изъ насъ приобрѣлъ себѣ экземпляръ этой группы и мой неизмѣнно виситъ до сихъ поръ на стѣнѣ моего кабинета, напоминая о давно минувшихъ дняхъ хорошихъ юношескихъ настроеній.

Однимъ изъ наиболѣе эффектныхъ въ годы нашего студенчества былъ диспутъ Н. И. Субботина, какъ по живости и общедоступности предмета его изслѣдованія — „Исторія Вѣлокриницкой іерархіи“, — такъ и по особенной оживленности и интересу преній. Оппонентами Николая Ивановича выступали и такіе солидные ученые, какъ о. ректоръ и Е. Е. Голубинскій, и такой художникъ, науки и рѣчи, какъ В. О. Ключевскій, и такіе специалисты—знатоки раскола, какъ П. И. Мельниковъ и прот. І. Г. Виноградовъ. Несмотря на атаку столькихъ сильныхъ противниковъ, изысканный во внѣш-

ности и въ словѣ докторантъ показалъ себя хозяиномъ своего предмета и вышелъ изъ испытанія съ полнымъ достоинствомъ.

Диспутъ Н. И. Субботина, состоявшійся 18-го апрѣля, былъ послѣднимъ академическимъ ученымъ торжествомъ для насъ—студентовъ 29-го курса, такъ какъ недѣли черезъ двѣ послѣ него у насъ уже начались выпускные экзамены, а вслѣдъ за ними наступилъ и конецъ нашего студенчества. Въ виду предстоящей разлуки съ товарищами, у всѣхъ насъ естественно явилось желаніе закрѣпить у себя въ памяти дорогія черты тѣхъ, съ которыми такъ дружно и хорошо прошли наши студенческіе годы, не безъ основанія, конечно, всегда считающіеся лучшими годами жизни. По общепринятому обычаю, мы рѣшили святясь всѣмъ курсомъ медальонами на общей группѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ центрѣ этой группы былъ нашъ дорогой „папаша“. Съ усерднѣйшею просьбой въ этомъ смыслѣ по порученію всего курса я отправился къ о. ректору и отъ лица всѣхъ заявилъ, что это видимое наше соединеніе на одномъ общемъ снимкѣ должно служить выраженіемъ той невидимой внутренней связи, которая существовала доселѣ между нами и которая останется и на будущее время, хотя бы внѣшнія пространственныя условія этому и не благопріятствовали. „Папаша“ принялъ нашу просьбу съ полнымъ сочувствіемъ, изъявилъ свое согласіе и просилъ меня передать всѣмъ моимъ товарищамъ свою искреннюю благодарность и желаніе никогда „духомъ любви не разлучатися“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ улыбкой обѣщаль исполнить и то наше желаніе, чтобы для нашей группы онъ снялся въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы привыкли всегда видѣть его при постоянныхъ съ нимъ свиданіяхъ, т.-е. безъ всякаго парада и съ непокрытой головою. И дѣйствительно на нашей группѣ Александръ Васильевичъ, въ простенькой темной домашней рясѣ съ однимъ лишь докторскимъ крестомъ на груди, съ большою совсѣмъ открытой головою, окаймленной лишь густою опушкой сѣдыхъ кудрей, смотритъ такимъ серьезнымъ и вмѣстѣ милымъ, привѣтливымъ взглядомъ, что этотъ портретъ представляется мнѣ лучшимъ изъ всѣхъ, какіе мнѣ приходилось видѣть.

Наступилъ мѣсяцъ май 1874 года, и приближающійся мо-

ментъ окончанія нашего академическаго курса заставлялъ насъ, конечно, серьезно задумываться о близкомъ будущемъ и часто вести оживленныя бесѣды другъ съ другомъ о предстоящемъ намъ жизненномъ пути. Кажется, всѣ мы безъ исключенія мечтали о томъ, чтобы приложить свои силы и трудъ на службѣ по духовно-учебному вѣдомству, и въ этомъ отношеніи положеніе нашего курса было очень благоприятнымъ. Благодаря нашей малочисленности, у насъ совсѣмъ не чувствовалось недостатка въ свободныхъ вакансіяхъ по духовнымъ семинаріямъ и училищамъ, какъ это стало обычнымъ явленіемъ въ послѣдующее время. Каждый изъ моихъ товарищей имѣлъ, напротивъ, полную возможность выбирать изъ нѣсколькихъ свободныхъ мѣстъ то, которое представлялось ему наиболѣе удобнымъ и желаннымъ, принимая во вниманіе какъ предметы преподаванія, такъ и географическія и бытовыя условія того города, гдѣ находилось мѣсто службы. Сколько помнится, семеро изъ насъ заняли мѣста смотрителей училищъ, а остальные размѣстились почти всѣ преподавателями семинарій.

Что касается меня лично, то моя судьба сложилась иначе. Шестого мая Александръ Васильевичъ призвалъ меня къ себѣ и, послѣ разговора о текущихъ выпускныхъ экзаменахъ, заговорилъ: „Нужно подумать вамъ о томъ, что скоро вамъ придется, можетъ быть, остаться при академіи“. Я молчалъ: „Мнѣ нужно узнать“, продолжалъ онъ, къ какому предмету вы имѣете болѣе склонности: къ древней гражданской исторіи, или къ новой“ *); и при этомъ замѣтилъ: „Петръ Симоновичъ выражалъ свое желаніе, чтобы вы заняли его мѣсто“. На этотъ вопросъ я не задумываясь отвѣтилъ, что мое желаніе—заниматься исторіей новой. Это ясно уже выразилось въ томъ, что тему для магистерской диссертации я избралъ по новой исторіи и работаю надъ этимъ предметомъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, а для магистерскихъ экзаменовъ стараюсь также, по возможности, брать отдѣлы изъ той-же новой исторіи. Къ этому я счелъ долгомъ прибавить, что мое знакомство съ древними языками гораздо слабѣе, чѣмъ съ языками англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, истори-

*) Каедрa новой гражданской исторіи освободилась тогда вслѣдствіе кончины доцента Д. Д. Королькова.

ческой литературой которыхъ я могу пользоваться свободно. Кромѣ того, въ высшей степени вредно будетъ и для моей магистерской диссертации и для хода моихъ занятій по будущей кафедрѣ, если я буду вынужденъ заниматься сочиненіемъ по новой исторіи, а готовить курсъ и читать лекціи по исторіи древней. Напротивъ, соединеніе этихъ занятій въ одномъ направленіи будетъ взаимно дополнять и помогать одно другому. Оканчивая бесѣду, Александръ Васильевичъ сказалъ мнѣ: „Впрочемъ, окончательныя разсужденія объ этомъ будутъ у насъ въ юнѣ мѣсяцѣ и дай Богъ, чтобы все устроилось къ лучшему“.

По милости Божіей все устроилось согласно моему желанію. Въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ я написалъ особое сочиненіе pro Venia legendi „Объ историческомъ значеніи царствованія Елизаветы, королевы англійской“ для защиты его въ присутствіи членовъ совѣта и студентовъ; при чемъ рецензентомъ и оппонентомъ моимъ былъ профессоръ новой церковной исторіи Д. Θ. Касицынъ. Послѣ этой защиты, состоявшейся уже въ сентябрѣ, и по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій: „Вступленіе Генриха IV на французскій престоль“ и „Изгнаніе мавровъ изъ Испаніи“, по избранію совѣта, я занялъ кафедру новой гражданской исторіи.

В. А. Соколовъ.
